ИЗДАНО БЕЗЪ ЦЕНЗУРЫ

Библіотека Революціи 1917 года
„СВОБОДНАЯ РОССІЯ“.

О. Сперанскій.

За кулисами Русскаго Двора.

Акц. О-во „МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«За кулисами русскаго Двора».

Только при монархическомъ государственномъ строѣ возможно существованіе подобныхъ «кулисъ».

Кулиса—это кусокъ полотна, скрывающій лицедѣевъ отъ взора театральнаго зрителя.

Но вотъ режиссеръ придушеннымъ шопотомъ кричитъ:

— Сигналинъ-Волжскій, приготовьтесь!

И черезъ минуту на подмосткахъ—полный благородной красоты появляется Гамлетъ, принцъ датскій.

Зритель взолнованный рукоплещетъ этому благородному принцу.

А принцъ, вернувшись за кулисы, съ мѣста въ карьеръ принимается доказывать пріятелю грязный, липкій анекдотъ, и оба смачно смѣются тупымъ, утробнымъ смѣхомъ.

О, если бы зритель слышалъ этотъ смѣхъ, видѣлъ масляные глаза разсказчика пошлаго анекдота!

Изъ души его улетѣлъ бы восторгъ, улетѣла-бы тихая грусть, навѣянная печальнымъ принцемъ.

Русскій Дворъ—это тотъ же пошлякъ Сигналинъ-Волжскій съ помпезной, позолоченной внѣшностью и съ грязнымъ анекдотомъ въ душѣ.

Русскій Дворъ — это сплошной потокъ липкой грязи, безконечный, густой, невылазный.

И долго бы еще за кулисами этого Двора творили грязный анекдотъ, если бы не могучій голосъ русскаго народа, въ одно прекрасное утро грозно воскликнувшій:

— Довольно грязи!

Родъ бояръ Романовыхъ, возведенный волею народа на россійскій престолъ уже давно прекратилъ свое существованіе. Прадѣдъ Николая I, женатый на дочери Петра Великаго, былъ чистый нѣмецъ. Слѣдовательно, его дѣдъ, Петръ III, былъ уже только наполовину русскимъ. Такъ какъ онъ, въ свою очередь, женился на нѣмкѣ, то сынъ его Павелъ, отецъ Николая I, былъ уже на три четверти нѣмцемъ и только на одну четверть русскимъ. Но Павелъ тоже женился на нѣмкѣ, благодаря чему у сына его Николая I была всего-на-всего одна восьмая русской крови и семь восьмыхъ нѣмецкой.

Кромѣ того, окруженные съ дѣтства иноземными воспитателями, преимущественно нѣмцами, русскіе императоры совершенно утратили всякую духовную и идейную связь съ русскимъ народомъ, чуждымъ имъ какъ по крови, такъ и по духу.

Когда Николай I находился въ Пруссіи и наслаждался смотрами и парадами своего тестя, прусскаго короля, онъ чувствовалъ себя въ кругу своихъ единоплеменниковъ. Прусскій король назначилъ его шефомъ бранденбургскаго кирасирскаго полка, и вотъ, нарядившись въ форму этого полка, Николай, будучи въ то время великимъ княземъ, явился передъ строемъ пруссаковъ, поздоровался съ ними и сказалъ:

— Мои друзья, помните, что я наполовину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля.

Было бы точнѣе, если бы онъ сказалъ не наполовину, а на семь восьмыхъ. Про него въ свое время была сложена популярная пѣсня:

«Царь нашъ нѣмецъ русскій,
Носитъ мундиръ прусскій».

Предлагаемая вниманію читателей брошюра отнюдь не претендуетъ на исчерпывающее значеніе,— слишкомъ богатый и слишкомъ жуткій накопился матеріалъ, и только спокойный историкъ подробно разберется въ немъ,—но все-же со всѣхъ страницъ брошюры слышенъ убѣдительный голосъ:

— Только монархія могла создать безбрежное море грязи, предательства и безграничной низости.

И напрашивается непререкаемый выводъ:

— Только свободная республика гарантируетъ, что за кулисами не будетъ грязнаго лупанара!

Александръ Рассолимовъ.

— —

Дальше дѣло пошло еще хуже. Разъединеніе русскихъ царей съ народомъ все болѣе и болѣе усиливалось и дошло до того, что цари считали народъ своимъ заклятымъ врагомъ, а народъ ненавидѣлъ этихъ «божіихъ помазанниковъ», которые тяжелымъ ярмомъ сковали всѣ стремленія и души народа.

Но, кажется, никогда до такого цинизма, до такого издѣвательства и глумленія надъ своими «вѣрноподданными» русскіе цари не доходили, какъ Николай II, этотъ послѣдній обломокъ сверженной народнымъ гнѣвомъ династіи.

Въ широкихъ кругахъ народныхъ массъ, до самаго послѣдняго времени было крѣпко распространено мнѣніе о Николаѣ II какъ о человѣкѣ слабомъ, безвольномъ, не знающемъ, что творится вокругъ. Его считали игрушкою въ рукахъ «лукавыхъ царедворцевъ», той подлой царской клики, которая носила названіе «звѣздной палаты» и о которой съ думской трибуны говорили какъ о «темныхъ силахъ».

Но это не совсѣмъ такъ. Несомнѣнно, вліяніе придворной камарильи было громадно. Вся эта черная накипь русскаго Двора во главѣ съ Александрой Ѳедоровной или, правильнѣе, Алисой Гессенской (ибо, несмотря на русское имя, она оставалась той же нѣмецкой принцессой, всѣ помыслы которой были направлены къ дому Гогенцоллерновъ), изо дня въ день вели усиленную пропаганду передъ Николаемъ противъ русскаго народа.

Но эта пропаганда имѣла свое значеніе потому, что она совершенно соотвѣтствовала взглядамъ и убѣжденіямъ самого Николая.

Всѣ, кому приходилось соприкасаться съ нимъ, говорятъ, что несмотря на необычайную мягкость и обходительность, красивый голосъ и ясность улыбки, въ немъ чувствовался настоящій восточный деспотъ— хищный и кровожадный. Онъ былъ опьяненъ своей властью и, кажется, искренно вѣрилъ тому, что на немъ дѣйствительно почіетъ благодать Божія.

Онъ съ легкимъ сердцемъ приказывалъ разстрѣливать беззащитный народъ и въ то время, когда улицы были обагрены невинной кровью женщинъ и дѣтей,

пришедшихъ 9 января къ его дворцу, онъ, расточая очаровательныя улыбки своимъ приближеннымъ, уѣхалъ охотится на зайцевъ въ Спалу.

Разгадавъ деспотическую душу своего монарха, черная камарилья пустила глубокіе корни и мало-помалу терроризировала всю страну.

Злой геній династіи Романовыхъ, Алиса Гессенская, впервые начала активно вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны съ 1905 года. Когда, послѣ историческаго засѣданія, на которое были приглашены нѣкоторые общественные дѣятели во главѣ съ покойнымъ княземъ Трубецкимъ, Николай въ кругу своихъ приближенныхъ сталъ передавать приближеннымъ содержаніе бесѣды о внутренней разрухѣ, Алиса Гессенская, внимательно слушавшая, нетерпѣливо встала и, уходя, бросила знаменитую фразу:

— Противъ возмущенія черни есть хорошее средство: казацкія нагайки и пули.

Грубая и кровожадная прусская принцесса не могла иначе назвать великій русскій народъ, какъ выразительнымъ словомъ «чернь». Эту «чернь» все время оплевывали и душили «боголюбивые» русскіе цари.

Неудивительно, что временщики въ родѣ бывшаго дворцоваго коменданта Трепова издавали приказы, въ которыхъ говорилось «патроновъ не жалѣть».

Но по мѣрѣ того, какъ укрѣплялась и наглѣла придворная шайка, назрѣвали историческія событія, приведшія Россію къ первой революціи 1905 года.

До самаго послѣдняго момента, когда надъ всей страной нависли зловѣщія грозовыя тучи, придворная камарилья не вѣрила въ возможность какого бы то ни было активнаго выступленія со стороны забитаго и безотвѣтнаго русскаго народа.

Жизнь Двора въ это время отличалась особенной пышностью и распутствомъ. Каждую ночь устраивались пьяныя оргіи при непремѣнномъ и самомъ активномъ участіи августѣйшаго монарха.

Сколько разъ на разсвѣтѣ совершенно пьянаго Николая его приближенные проносили на рукахъ

изъ офицерскаго собранія черезъ запасный подъѣздъ царскосельскаго Александровскаго дворца.

Однажды послѣ такой попойки во дворецъ пріѣхалъ съ срочнымъ докладомъ нынѣ покойный графъ Сольскій. Это было въ началѣ октября 1905 года. Вся страна глухо волновалась, всюду происходили тайные и явные митинги, народъ требовалъ необходимыхъ реформъ, задыхаясь въ дьявольскихъ тискахъ произвола. Надвигались чрезвычайныя событія. Взволнованный графъ Сольскій обратился къ дежурному флигель-адъютанту и просилъ немедленно доложить Николаю о необходимости аудіенціи. Флигель-адъютантъ, освѣдомленный о бурно проведенной ночи возлюбленнымъ монархомъ, только пожалъ плечами, сказавъ, что при всемъ желаніи доложить царю о пріѣздѣ Сольскаго совершенно невозможно. Графу оставалось только одно: уѣхать обратно въ Петроградъ и сообщить, ожидавшимъ его членамъ Государственнаго Совѣта, что «помазанникъ Божій» не совсѣмъ здоровъ, благодаря чему аудіенція не могла состояться.

Но, наконецъ, грянулъ громъ. Вся великая страна остановила свою дѣятельность. Остановились желѣзныя дороги, прервалось телеграфное и телефонное сообщеніе, погасло электричество, встали фабрики, заводы, пріостановилась дѣятельность административныхъ и судебныхъ учрежденій и народъ, несмотря на приказы «патроновъ не жалѣть», вышелъ на улицы.

Всеобщая политическая забастовка, примѣненная впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ существовать міръ, произвела на многихъ ошеломляющее впечатлѣніе. На долю русскаго народа выпало великое счастье показать человѣчеству новые способы борьбы, когда, съ одной стороны, стоитъ многомилліонная масса мирныхъ гражданъ, съ другой—тупое и подлое правительство, безсильно противодѣйствовать этому грозному воздержанію отъ работы, ставшей невыносимой при общемъ режимѣ безправія и произвола.

Пулеметы, пушки, казаки и драгуны не могли за-

ставить паровозы ходить, телеграфные аппараты дѣйствовать, банки, конторы и фабрики—работать.

Народъ былъ убѣжденъ, что между нимъ и царемъ находится глухая стѣна изъ царскихъ приспѣшниковъ, которые не допускаютъ царя къ своему народу. Вспоминалось горькое слово: «до Бога высоко, до царя далеко». Народъ требовалъ доступа къ царю, и всѣ были увѣрены, что если до царя дойдетъ народный голосъ, монархъ пойметъ, что его обманывали его холопы, говоря, что въ странѣ все спокойно, что бунтуетъ только кучка хулигановъ, противъ которой достаточно было казацкихъ нагаекъ и пулеметовъ.

Такъ думалъ не только русскій народъ, объ этомъ писалъ въ Англію и извѣстный публицистъ Стедъ, который говорилъ въ своемъ письмѣ, что «необходимо скорѣе раскрѣпостить царя и поставить народъ и государя лицомъ къ лицу».

Но это была ошибка. Николай Романовъ былъ прекрасно освѣдомленъ, что происходило внутри страны. Въ справедливомъ гнѣвѣ доведеннаго до отчаянія произволомъ власти народа, царь видѣлъ только желаніе посягнуть на его власть, и благодаря этому Николай и его опричники думали, какъ бы покрѣпче расправиться съ бунтовщиками и навсегда отбить у народа желаніе посягать на «священныя прерогативы монарха».

Въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ шли безпрерывныя засѣданія камарильи въ присутствіи Николая Романова и Алисы Гессенской. Главнымъ нервомъ и душой этихъ засѣданій былъ бывшій дворцовый комендантъ Треповъ, достигшій въ то время апогея власти благодаря интимной близости къ Алисѣ. Народная молва считала его даже отцомъ незадолго передъ тѣмъ родившагося Алексѣя.

Треповъ успокаивалъ Дворъ, говоря, что толпа бунтовщиковъ, терроризировавшихъ народъ, разбѣжится при первомъ залпѣ. Камарилья этому охотно вѣрила и продолжала свои безпутства и пьяныя оргіи.

Но на засѣданіи, бывшемъ 14 октября, впервые было высказано опасеніе, что народное движеніе принимаетъ угрожающіе размѣры, что необходимо найти какой-нибудь выходъ изъ создавшагося положенія.

На этомъ засѣданіи Николай Романовъ почти ничего не говорилъ и, по словамъ очевидцевъ, нервно крутилъ усъ и игралъ карандашомъ. Присутствовавшіе смотрѣли на него съ затаеннымъ вниманіемъ, ожидая его рѣшенія.

Послѣ долгаго молчанія началъ говорить Треповъ, указывая, что надо призвать графа Витте, на котораго въ то время народъ смотрѣлъ съ большой надеждой. По словамъ Трепова, только графъ и могъ успокоить разбушевавшуюся стихію и что придворная клика можетъ положиться на Витте какъ на своего, безъ опасенія, что онъ дастъ народу болѣе того, что нужно въ силу остроты момента.

— Витте,—закончилъ Треповъ,—сумѣетъ запутать кого угодно. Сейчасъ народъ повѣритъ ему, а благодаря этому можно ограничиться полумѣрами.

На этомъ и порѣшили. Витте совмѣстно съ камарильей занялся разработкой плана реформъ, результатомъ чего и явился знаменитый манифестъ 17 октября, про который вскорѣ начали говорить, что «царскій манифестъ—для извѣстныхъ мѣстъ». Но тогда этому манифесту повѣрили. Повѣрили въ искреннее желаніе Николая Романова дать народу необходимыя реформы.

— Наконецъ-то,—говорили многіе,—царь услыхалъ голосъ своего народа.

Московская городская дума послала телеграмму Николаю, въ которой говорилось, что «свободный народъ ждетъ въ Москву своего свободнаго монарха».

Эта увѣренность, что раскрѣпостился не только народъ, но главное, что раскрѣпостился самъ царь, глубоко проникла въ сознаніе народныхъ массъ, и всѣ съ чистой вѣрой пошли навстрѣчу свѣтлому будущему.

Но эта вѣра продолжалась недолго. Вскорѣ народъ понялъ, что и на этотъ разъ его обманули. Опять началось глухое броженіе и недовольство.

Представители общественныхъ группъ и петербургскіе журналисты обратились къ графу Витте.

— Что, графъ,—спрашивали они,—что это опять одни слова или серьезное, настоящее дѣло? Общество извѣрилось въ обѣщаніяхъ.

Витте отвѣтилъ:

— Свидѣтельствую моею честью, что возвѣщенное въ манифестѣ—не одни слова. Это начало великихъ дѣлъ на благо свободнаго русскаго народа. Воля государя опредѣлилась точно. У него были недоумѣнія прежде: будетъ ли полная свобода полезна народу. Теперь государь твердо рѣшился, онъ поступилъ дѣйствительно какъ царь, въ лучшемъ смыслѣ слова. Власть сама по себѣ, какъ власть, не дорога ему. Какъ скоро онъ убѣдился, что для блага народа необходима полная политическая свобода, онъ съ радостью пошелъ навстрѣчу желаніямъ своего народа, согласился на немедленное исполненіе возвѣщеннаго въ манифестѣ и, несомнѣнно, согласится еще на большее.

Далѣе графъ Витте прибавилъ:

— Подписывая манифестъ, царь сказалъ, что если этого требуетъ благо народа, онъ охотно соглашается; два раза перекрестился и подписалъ.

Теперь мы знаемъ, чего стоили всѣ обѣщанія Николая Романова. Подписавъ манифестъ и усыпивъ имъ на нѣкоторое время народъ, онъ началъ вмѣстѣ со своими опричниками готовиться къ дѣятельной борьбѣ со своими возлюбленными вѣрноподданными.

Опять въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ начались засѣданія для органиваціи контръ-революціи.

Душой всего дѣла была Алиса Гессенская. Первой задачей ея было удалить изъ дворца наиболѣе приличныхъ людей и оставить однихъ холоповъ, дабы правдивыя слова первыхъ не могли бы дѣйствовать на царя.

Рѣшено было мобилизовать повсемѣстно въ Россіи черныя сотни, оказывать имъ какъ моральную, такъ и щедрую матеріальную помощь, завести цѣлую сѣть патріотическихъ газетъ и пустить въ ходъ испытанное средство—провокаторовъ.

Кромѣ того были отпущены спеціальныя средства на усиленіе полиціи и жандармеріи и мобилизовано духовенство.

Вскорѣ дѣятельность этихъ черныхъ организацій начала сказываться. Но нашъ многотерпѣливый народъ все еще вѣрилъ своему царю. Онъ думалъ, что вспышки реакціи происходятъ помимо желанія Николая Романова. Общество призывало къ спокойствію, но мало-по-малу недовольство росло и крѣпло въ народномъ сознаніи.

Вѣра въ искренность царя пропала. Въ сатирическихъ журналахъ того времени, несмотря на строгость цензуры, начали появляться злыя карикатуры и сатиры на Николая Романова. Эти сатиры быстро распространялись въ публикѣ. Особенно популярно было четверостишіе «Писателю Самозванову»:

Сочинена тобою, Сомазвановъ,
Романовъ цѣлая семья,
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романовъ.

А между тѣмъ реакціонная волна незамѣтно подкатывалась, готовая смыть всѣ завоеванія первой революціи. Десятки и сотни темныхъ личностей провоцировали рабочихъ и населеніе въ то время, какъ полиція и жандармерія были уже достаточно мобилизованы и ждали открытаго выступленія народа. Оно не замедлило проявиться. Въ концѣ ноября 1905 года вспыхнуло въ Москвѣ вооруженное возстаніе. Вслѣдъ за Москвой послѣдовали и другіе города, но правительство Николая Романова не дремало. Начались разстрѣлы и карательныя экспедиціи.

Появились Мины, Риманы, Ермоловы, которые съ ожесточеніемъ набросились на мирное населеніе, стараясь отплатить ему за октябрьскую побѣду надъ правительствомъ.

Расправившись съ народомъ, сведя на нѣтъ всѣ обѣщанія манифеста 17 октября, разогнавъ первую Думу, издавъ знаменитый законъ 3 іюня и запрятавъ по тюрьмамъ и отдаленнымъ сибирскимъ трущобамъ членовъ второй Думы, «звѣздная палата» занялась устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ, по организаціи политическихъ салоновъ.

Эти салоны и явились вершителями судебъ русскаго государства. Особенной популярностью въ дѣлахъ внутренняго управленія пользовался салонъ графини Игнатьевой, а по вопросамъ внѣшней политики прославился салонъ графини Маріи Эдуардовны Клейнмихель. Ея особнякъ на Сергіевской сдѣлался центромъ, въ которомъ собирались представители дипломатическаго корпуса.

Въ то время, какъ салонъ графини Игнатьевой былъ окруженъ непроницаемой тайной и только постоянные члены этого кружка знали, что происходитъ на многолюдныхъ засѣданіяхъ, салонъ Клейнмихель былъ притчей во языцѣхъ во всемъ Петроградѣ.

Про Клейнмихель говорили, и притомъ совершенно открыто, что она австрійская шпіонка, что у нея постоянно толкутся члены австрійскаго генеральнаго штаба и что благодаря своимъ связямъ съ высшими представителями русскаго штаба графиня передаетъ все, что касается устройства нашей арміи въ Австрію.

Тѣ лица, которымъ удалось побывать въ ея прекрасномъ особнякѣ, передаютъ, что графиня, встрѣчая гостей съ очаровательными улыбками, первымъ долгомъ показывала имъ огромную коллекцію исполненныхъ ею акварелей—карикатуръ на членовъ царской семьи во главѣ съ Николаемъ Романовымъ.

Особенно удачной была карикатура, изображающая солдата съ винтовкой, за котораго хватается Николай II съ выраженіемъ отчаянья и мольбы. На рукахъ у него Алексѣй. Карикатура называлась «Послѣдняя надежда».

Графиня разсказывала, что эту карикатуру очень просилъ одинъ монархъ сосѣдней державы, но что

она очень дорожитъ своей коллекціей и не желаетъ разбивать ее.

У Игнатьевой днемъ собирались сановники, гнули спины, разсчитывая при поддержкѣ графини добиться постовъ и назначеній. Здѣсь пустились въ ходъ всѣ средства для того, чтобы провалить своихъ противниковъ. Клеветали, доносили, чернили другъ друга и въ холопскомъ униженіи лизали ручки чопорной графини.

По вечерамъ обыкновенно устраивались спиритическіе сеансы. Увлеченіе графини спиритизмомъ было извѣстно всѣмъ, и на этой почвѣ производились самыя чудовищныя мистификаціи. Все, что происходило на этихъ сеансахъ, записывалось въ особый журналъ, и многимъ словамъ вызываемыхъ «духовъ» графиня подчинялась безпрекословно.

Если бы одинъ изъ тѣхъ духовъ, которымъ особенно вѣрила графиня, какъ, напримѣръ, «духъ» старца Ѳеодора Кузьмича или императора Павла, сказалъ, напримѣръ, что на постъ министра внутреннихъ дѣлъ или даже самого премьера нужно назначить истопника графини, то она несомнѣнно употребила бы все свое вліяніе для того, чтобы это назначеніе состоялось.

Отсюда понятно, почему иногда люди, административная дѣятельность которыхъ была никому неизвѣстна, получали очень отвѣтственные посты и назначенія.

Особенно графиня и интимные члены ея спиритическаго кружка боялись появленія духа какого то Кальвиза будто бы испанца, погибшаго во время инквизиціи. Слова этого Кальвиза производили на всѣхъ чрезвычайное впечатлѣніе и многихъ, особенно женщинъ, бросали въ трепетъ. Онъ говорилъ какими-то загадками и намеками, надъ разгадываніемъ которыхъ трудились всѣ члены кружка.

Съ 1908 года, когда первая революція была совершенно ликвидирована и реакція пустила глубокіе корни, съ легкой руки графини Игнатьевой мистицизмъ и богоискательство начали развиваться въ высшихъ бюрократическихъ и аристократическихъ кругахъ Петрограда. Вскорѣ они докатились до Двора

Николая Романова и здѣсь нашли благодарную почву въ лицѣ истерички Алисы Гессенской.

Эти начала мистизма и богоискательства прекрасно сочетались съ эротическимъ психозомъ, царившемъ при Дворѣ.

При благосклонномъ участіи бывшей царицы и ея единомышленницы фрейлины Анны Александровны Вырубовой устраивались мистическія оргіи, поражавшія какъ своимъ цинизмомъ, такъ и изобрѣтательностью всевозможныхъ и невозможныхъ способовъ.

Но для этихъ оргій не хватало лица, которое бы могло явиться извѣстной эмблемой, такъ сказать, знаменемъ, вокругъ котораго могли бы не только сгруппироваться всѣ участники оргій, но которое своимъ авторитетомъ могло бы освятить и благословить развратъ.

Такое лицо вскорѣ было найдено графиней Игнатьевой во время одной изъ ея поѣздокъ по далекимъ монастырямъ. Лицо это было Распутинымъ.

Простой, грязный мужикъ, который сначала былъ конокрадомъ, затѣмъ служилъ приказчикомъ въ Западно-Сибирскомъ пароходномъ обществѣ и, наконецъ, торговавшій дровами, въ короткое сравнительно время сдѣлался фактическимъ диктаторомъ великой державы.

Какъ это могло произойти? Отвѣтъ является самъ собой. Какъ уже было сказано выше, въ придворныхъ кругахъ воцарились мистицизмъ и богоискательство, въ это-то время графиня Игнатьева и нашла «святого старца».

Путемъ разныхъ шарлатанствъ, пророчествъ и мнимыхъ чудесъ онъ сразу сдѣлался центромъ великосвѣтскаго кружка. Кромѣ того для мистическо-эротическихъ оргій онъ обладалъ многими необходимыми качествами.

Когда въ концѣ 1909 и началѣ 1910 годовъ многіе изъ высшихъ сановниковъ, возмущенные поведеніемъ Григорія Распутина, безчестившаго ихъ женъ и открыто говорившаго про свои связи, добились вы-

сылки «старца» изъ Петрограда, послѣдній, садясь въ поѣздъ, сказалъ:

— Что-жъ, опять пришлютъ за мной. Безъ меня наслѣднику капутъ.

Случилось такъ, что, дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого наслѣдникъ заболѣлъ. Болѣзнь была пустячная, но истеричка Алиса увидала въ этомъ перстъ Божій и, боясь осложненія болѣзни сына, приказала немедленно вернуть Распутина.

Онъ вернулся и окончательно воцарился при Дворѣ. Наглость его въ это время не имѣла границъ. Онъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ. По одному его слову слетали министры, даже члены императорской фамиліи боялись его.

При Дворѣ чувствовалось напряженность, уныніе. Одинъ за другимъ исчезали представители старинныхъ видныхъ и независимыхъ фамилій и на фонѣ этого безлюдья ярко выступали выскочки, карьеристы, преимущественно съ баронскими титулами и приставками «фонъ».

Итти противъ Распутина было не только безполезно, но и опасно. Неудовольствіе Распутина переходило въ опалу и непокорныхъ постигало изгнаніе и всякія немилости и непріятности.

Какъ велико было могущество Гришки Распутина, передъ которымъ ничего не значили заслуги самыхъ именитыхъ царедворцевъ, яркой иллюстраціей можетъ служить исторія съ извѣстнымъ графомъ С. Д. Шереметевымъ.

Престарѣлый графъ былъ близкимъ другомъ покойнаго императора Александра Ш. Въ посмертномъ наставленіи, оставленномъ Александромъ своему сыну, царь настойчиво рекомендовалъ Николаю имѣть своимъ ближайшимъ совѣтникомъ графа С. Д. Шереметева. И дѣйствительно, въ первое время своего царствованія Николай Романовъ былъ близокъ къ графу, и послѣдній имѣлъ на него большое вліяніе.

Но послѣ того, какъ Распутинъ вошелъ въ царскую семью, отношенія между Николаемъ и Шереметевымъ сразу испортились.

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Царское Село во время бесѣды графа Шереметева съ бывшимъ царемъ, графъ, между прочимъ, сказалъ:

— Ты, государь, далъ мнѣ право говорить тебѣ правду. Я долго искалъ случая, чтобы излить тебѣ то, что накипѣло у меня въ груди. Государь, послушай моего совѣта, удали Распутина. Никто такъ не подрываетъ престижъ престола, никто такъ не подтачиваетъ устои трона, какъ этотъ грязный мужикъ. Во имя чести династіи и святости престола удали его. Въ народѣ ходятъ всевозможные, недобрые слухи.

Царь, сидѣвшій въ это время съ бокаломъ вина, поблѣднѣлъ и гнѣвно ударилъ рукой по столу.

— Не касаться моей семьи. Присутствіе Распутина при Дворѣ—мое личное, семейное дѣло.

Съ тѣхъ поръ графъ Шереметевъ удалился отъ Двора. Конечно, такъ легко могъ отдѣлаться только графъ Шереметевъ, другого бы, на его мѣстѣ, постигли всякія кары. Менѣе заслуженные, какъ, напримѣръ, кн. Васильчикова, Кауфманъ-Туркестанскій и другіе посылались въ ссылку, а еще менѣе знатные несли всевозможныя угнетенія отъ всесильнаго временщика.

Зато другіе, угождавшіе Распутину и заискивающіе передъ нимъ, какъ, напримѣръ, Штюрмеръ, Протопоповъ и прочіе, получали щедрыя награды, достигали огромной власти и силы.

Теперь ни для кого не тайна, что великій князь Николай Николаевичъ былъ смѣщенъ съ поста верховнаго главнокомандующаго благодаря желанію Распутина.

Изъ-за него пострадали и другіе члены императорской фамиліи. Для характеристики какъ значенія Распутина, такъ и Николая Романова интересенъ разсказъ великаго князя Николая Михайловича, находившагося въ опалѣ изъ-за явно выраженнаго имъ протеста противъ тлетворнаго вліянія Распутина и темныхъ силъ на управленіе страной.

По приказу Николая Романова, собственноручно имъ написанному, въ ночь подъ Новый годъ Николай

Михайловичъ долженъ былъ выѣхать въ имѣніе Грушевку, Херсонской губерніи, на два мѣсяца.

Предполагая обыскъ и отдавая послѣднее распоряженіе по дому, Николай Михайловичъ просилъ окружающихъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы при обыскѣ не пропали цѣнныя рукописи и записки. Какъ извѣстно, Николай Михайловичъ дѣятельно занимался исторіей эпохи Александра I.

— Смотрите же, берегите,—сказалъ князь, уѣзжая, —я своихъ хорошо знаю.

Возвратясь изъ ссылки, Николай Михайловичъ разсказывалъ:

— Изъ сознанія ли дѣйствительной опасности, угрожавшей династіи, изъ чувства ли материнства, но первымъ лицомъ за послѣдніе полгода, обратившимъ вниманіе Николая II на растущее недовѣріе въ связи съ ролью Распутина, была Марія Θеодоровна. Содержаніе разговора сына съ матерью, происходившаго въ октябрѣ въ Кіевѣ, точно неизвѣстно даже членамъ семьи. Въ осторожной формѣ на то же самое указалъ бывшему царю и бывшій министръ финансовъ Баркъ. 1-го ноября продолжительную бесѣду по этому же поводу имѣлъ съ нимъ и я.

Явился я съ написаннымъ мною письмомъ, которое самъ прочиталъ государю. Оно касалось не только Распутина. Рѣзкое и обличительное, оно могло задѣть Николая Романова какъ мужа. Но бывшій царь не возражалъ и, взявъ письмо, потомъ прочелъ его Александрѣ Θеодоровнѣ. Мнѣ говорили, что когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорилось о бывшей царицѣ, она съ яростью выхватила письмо изъ рукъ мужа и разорвала его въ клочки. Между прочимъ, когда рѣчь зашла о Протопоповѣ, я сказалъ:

— Знаешь ли, что Протопопова тебѣ подсунули. У Бадмаева его познакомили съ Распутинымъ.

— Я знаю это,—замѣтилъ Николай.

— И ты это находишь нормальнымъ,—изумился я.

Николай Романовъ промолчалъ. Несмотря на рѣзкость обличительныхъ словъ Николая Михайловича,

бывшій царь былъ съ нимъ очень любезенъ и по обыкновенію отмалчивался.

— Эта манера отмалчиваться,—продолжалъ Николай Михайловичъ,—прямо-таки отнимала всякую охоту говорить съ нимъ о чемъ-нибудь. А тутъ еще эта любезность, не покидавшая его. Онъ положительно charmeur. Я даже какъ-то сказалъ ему, что онъ напоминаетъ мнѣ Александра I. Во время разговора, когда я бросалъ одну рѣзкость за другой, у меня нѣсколько разъ потухала папироса. Николай любезно подавалъ мнѣ спички, а я даже забывалъ поблагодарить его,—такъ я волновался. Напослѣдокъ я сказалъ ему:—здѣсь у тебя казаки и много мѣста въ саду. Можешь приказать меня убить и закопать. Никто не узнаетъ. Но я долженъ былъ все это сказать тебѣ.

И тутъ онъ промолчалъ. А 31-го декабря, въ одиннадцать съ половиной часовъ ночи, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ и подалъ письмо Николая. «Повелѣваю тебѣ выѣхать на два мѣсяца,—писалъ бывшій царь, а дальше стояло:—прошу тебя это исполнить»; «Повелѣваю» и «прошу». Вотъ поймите его.

Черезъ два дня послѣ этого Николай Романовъ принялъ Пуришкевича, который тоже говорилъ о Распутинѣ и Протопоповѣ. Послѣ Пуришкевича на ту же тему съ бывшимъ царемъ говорилъ и протопресвитеръ о. Шавельскій.

Наканунѣ своей отставки въ горькихъ выраженіяхъ въ свою очередь пытался убѣдить Николая въ томъ, что существуетъ сильное недовольство въ обществѣ, и бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ.

Неоднократно до самыхъ послѣднихъ дней въ томъ же духѣ говорилъ съ Николаемъ и Михаилъ Александровичъ.

Но все было напрасно. Бывшій царь прибѣгалъ къ своему излюбленному способу ничего не отвѣчать на самыя категорическія заявленія и завершалъ аудіенцію обезоруживающей любезностью.

На вопросъ, былъ ли Николай Романовъ въ своемъ упорствѣ самостоятельнымъ, или кто-либо поддерживалъ его, Николай Михайловичъ отвѣтилъ:

— Главные изъ нихъ—Александра Өеодоровна, Вырубова и Воейковъ. Но былъ тамъ еще одинъ человѣкъ, самый зловредный изъ всѣхъ. Мы называли его Ванька-Каинъ. Это—бывшій министръ юстиціи и предсѣдатель Государственнаго совѣта И. Г. Щегловитовъ.

Итакъ, несмотря на попытки какъ членовъ императорской фамиліи, такъ и многихъ лицъ, игравшихъ при Дворѣ большую роль, совершенно не удалось ослабить пагубное вліяніе Распутина.

Развратъ и разнузданность при Дворѣ дошли до невѣроятныхъ размѣровъ. Распутство двора Бурбоновъ ничто въ сравненіи съ эротической эпопей Двора Николая Романова, цинизмъ которой превосходитъ предѣлы самой богатой фантазіи.

Какъ было сказано выше, среди царскихъ холоповъ большую роль игралъ дворцовый комендантъ генералъ-отъ-кувакеріи, какъ его назвалъ Пуришкевичъ, Воейковъ. Сынъ оберъ-камергера при Дворѣ Александра II и Александра III, т. е. сынъ носителя того наиболѣе почетнаго придворнаго званія, которое было пожаловано недавно Штюрмеру, Воейковъ по окончаніи пажескаго корпуса поступилъ въ Кавалергардскій полкъ, затѣмъ получилъ командованіе гусарскимъ полкомъ и благоразумно женился на дочери бывшаго министра Двора графа Фредерикса, благодаря чему получилъ должность дворцоваго коменданта.

Воейковъ обладаетъ очень хорошими средствами, которыя онъ недурно пополнилъ, продавъ «Куваку» акціонерной компаніи за два милліона рублей.

До какой степени было велико вліяніе Воейкова и до какой степени высшіе сановники имперіи боялись затронуть его интересы, можно видѣть изъ слѣдующаго эпизода, разыгравшагося сравнительно недавно, въ то время, когда Воейковъ былъ собственникомъ «Куваки».

Комиссіонеръ по продажѣ нашихъ государственныхъ минеральныхъ водъ былъ однажды вызванъ къ министру торговли князю Шаховскому, который въ рѣзкомъ тонѣ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ позволяетъ себѣ, рекламируя кавказскія минеральныя воды, подчеркивать, что «Кувака» есть простая, а не минеральная вода.

— Меня вызвалъ къ себѣ Воейковъ,—заявилъ Шаховской,—и я имѣлъ большія непріятности. Неужели вы думаете, что изъ-за вашихъ минеральныхъ водъ я долженъ сломать себѣ шею?

Комиссіонеръ возразилъ министру, что по контракту онъ обязанъ продавать опредѣленное количество воды въ годъ.

— Я вамъ сокращу это количество вдвое,—воскликнулъ министръ,—но только прекратите это печатное дискредитированіе «Куваки».

Воейковъ былъ главнымъ вдохновителемъ всѣхъ черносотенныхъ начинаній Николая Романова. При немъ, когда онъ былъ командиромъ гусарскаго полка, въ которомъ началъ свою службу и Николай II, гусарскій полкъ сталъ однимъ изъ наиболѣе реакціонныхъ.

Воейковъ съ ловкостью опытнаго царедворца всемѣрно охранялъ свое вліяніе на царя, заискивая въ то же время передъ всесильнымъ диктаторомъ Григоріемъ Распутинымъ. Благодаря этому, Воейковъ, съ полной увѣренностью могъ сказать, что Николай Романовъ ни разу не взялъ пера въ руки, не посовѣтовавшись съ дворцовымъ комендантомъ.

Кромѣ Воейкова ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ Николая Романова былъ и контръ-адміралъ Ниловъ, носившій званіе флагъ-капитана царя. Званіе это было чисто почтеннымъ и только во время плаванія бывшаго царя, носитель этого имени исполнялъ свои служебныя обязанности, и, надо отдать ему полную справедливость, исполнялъ прескверно. При немъ бывшій царь дважды былъ посаженъ на мель въ финляндскихъ шхерахъ и Алисѣ Гессенской пришлось по водѣ выходить на берегъ, такъ какъ было слишкомъ мелко для того, чтобы подъѣхать на лодкѣ.

Убѣжденный черносотенецъ, Ниловъ, однако, отличался отъ Воейкова тѣмъ, что никакого касательства къ дѣламъ политики не имѣлъ. Все его вліяніе, основанное на личныхъ къ нему симпатіяхъ Николая Романова, ограничивалось кругомъ, такъ сказать, домашнихъ интимныхъ вопросовъ.

Пьяница и развратникъ, онъ былъ постояннымъ собутыльникомъ Николая во всѣхъ ночныхъ оргіяхъ и пьяныхъ кутежахъ.

Совершенно исключительное положеніе при Дворѣ занималъ бывшій министръ императорскаго Двора графъ Фредериксъ, лишь недавно перемѣнившій баронскій титулъ на графскій. Послѣ Алисы Гессенской и Распутина онъ былъ главнымъ столпомъ и оплотомъ нѣмецкаго вліянія.

Нѣмецъ до мозга костей, онъ глубоко презиралъ все русское и въ особенности русскій народъ, и, какъ нѣмецъ, жившій благами, которыя сыпались на него и на весь его родъ щедрой рукой монарха, онъ былъ глубокій черносотенецъ и его непосредственнаго вліянія не миновало ни одно большое назначеніе.

Весь Дворъ считалъ Фредерикса крайне ограниченнымъ, и бывшій министръ Двора дѣйствительно не разбирался въ самыхъ элементарныхъ политическихъ вопросахъ, но это не мѣшало ему принимать самое активное участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Причемъ положеніе нѣмецкой партіи при Дворѣ достигло своего апогея.

Бывшій гусаръ, затѣмъ командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка, потомъ завѣдующій придворной конюшенной частью и помощникъ министра двора при Воронцовѣ-Дашковѣ, Фредериксъ, былъ типичнѣйшимъ представителемъ придворной шайки,—тупой, невѣжественный и до цинизма реакціонный.

Другимъ столпомъ нѣмецкой партіи при Дворѣ являлся оберъ-гофмейстеръ графъ Бенкендорфъ, братъ покойнаго нашего посла въ Лондонѣ. Петроградскій Бенкендорфъ всю жизнь былъ упорнымъ черносотенцемъ и въ качествѣ оберъ-гофмаршала,

вѣдавшаго одной изъ крупнѣйшихъ частей придворной жизни, пользовался долголѣтнимъ и безсмѣннымъ вліяніемъ.

Съ нимъ былъ близокъ и другой нѣмецъ, тоже первый чинъ Двора, оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Корфъ, всю жизнь проведшій при Дворѣ и тоже пользовавшійся большимъ и пагубнымъ вліяніемъ.

Къ нимъ примыкалъ недавно назначенный посломъ въ Румынію генералъ А. А. Мосоловъ, правая рука Фредерикса, бывшій начальникъ канцеляріи министерства Двора. Мосоловъ былъ фактическимъ министромъ при глупомъ и ничтожномъ Фредериксѣ, и вліяніе его по этому колоссально. Женатый на дочери бывшаго премьера Трепова, пользуясь близостью, съ одной стороны, съ бюрократическими кругами, съ другой— съ Воейковымъ, Мосоловъ проводилъ самыя различныя дѣла политическаго характера.

Къ этой же бандѣ принадлежалъ и начальникъ кабинета, т. е. фактическій министръ финансовъ бывшаго царя, генералъ-лейтенантъ Волковъ, другъ Воейкова и большой пріятель Николая Романова, сопровождавшій его въ Японію въ бытность Николая еще наслѣдникомъ.

Вся эта компанія вмѣстѣ съ нѣсколькими флигель-адъютантами, въ особенности флигель-адъютантомъ Свѣчинымъ, состоявшимъ почти несмѣняемо дежурнымъ при бывшемъ царѣ, составляли ядро черносотенно-придворной шайки. Къ нимъ же примыкалъ начальникъ придворно-конюшенной части генералъ-адмиралъ Гринвальдъ, человѣкъ почти не говорящій по-русски. Онъ считался надежнымъ оплотомъ династіи, и Николай Романовъ смотрѣлъ на него какъ на русскаго, который во всякое время дня и ночи пойдетъ съ радостью разстрѣливать презираемый имъ, какъ всякимъ нѣмцемъ, русскій народъ.

Среди лицъ, совершенно неизвѣстныхъ большой публикѣ, но игравшихъ при Дворѣ немаловажную роль, были: генералъ Гроттенъ, бывшій лейбъ-гусаръ, затѣмъ командиръ армейскаго полка, появившійся при Дворѣ благодаря дружбѣ съ Воейковымъ. Гроттенъ,

конечно, былъ въ дружбѣ и съ Распутинымъ и Вырубовой и при Дворѣ Алисы Гессенской въ значительной степени замѣнилъ Спиридовича, извѣстнаго придворнаго охранника, нынѣ ялтинскаго градоначальника, недавно арестованнаго. Другой—гофмейстеръ Федосѣевъ, носившій офиціальное званіе начальника придворныхъ гаражей. Федосѣевъ былъ правой рукой лучшаго друга Александра III генерала Черевина, занимавшагося, главнымъ образомъ, игрой въ карты и безпробуднымъ пьянствомъ. Всѣ дворцовыя охранныя дѣла Федосѣевъ зналъ въ совершенствѣ.

За послѣднее время одновременно съ Протопоповымъ на дворцовомъ горизонтѣ выплыла изъ мрака забвенія фигура стариннаго друга покойнаго издателя «Гражданина» князя Мещерскаго, Бордукова. Отношенія Бордукова съ Мещерскимъ были до того интимнаго характера, что Мещерскій завѣщалъ Бордукову все свое огромное состояніе.

Протопоповъ, товарищъ министра Анциферовъ и Бордуковъ были фактическими хозяевами министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ Бордуковъ занималъ скромное мѣсто чиновника особыхъ порученій съ жалованьемъ въ шесть тысячъ рублей въ годъ, а вліяніе Бордукова чувствовалось даже за стѣнами министерства, въ царскихъ хоромахъ.

Это—одна изъ характерныхъ фигуръ того цикла политическихъ авантюристовъ, которые извѣстны подъ кличкой «темныхъ силъ».

Года два тому назадъ благодаря Распутину и Вырубовой опредѣлилось вліяніе главноуправляющаго собственной Николая Романова канцеляріей по принятію прошеній члена Государственнаго совѣта Мамантова, черносотенца и распутинца; но затѣмъ, за послѣднее время, вліяніе это стало слабѣе въ противоположность статсъ-секретарю Танѣеву, отцу преслоутой Вырубовой. Вырубова дѣйствовала при Дворѣ Алисы по непосредственнымъ указаніямъ отца.

Кромѣ Вырубовой, интимной подруги Алисы Гессенской, была еще одна приближенная фигура, гофъ-лектриса Ек. Ад. Шнейдеръ. Эта должность была спе-

ціально создана для Шнейдеръ, имѣвшей большое вліяніе на Алису. Штюрмеръ своимъ назначеніемъ премьеромъ въ достаточной степени обязанъ этой нѣмкѣ, открыто презиравшей, какъ и всѣ остальные, все русское.

Немалое вліяніе на Алису Гессенскую оказывалъ и личный ея адъютантъ графъ Петръ Николаевичъ Апраксинъ, открытый членъ союза русскаго народа и преданный холопъ Распутина.

Вся эта шайка, завладѣвшая русскимъ Дворомъ, была замѣшана въ самыхъ позорныхъ дѣяніяхъ. Она была откровенной сторонницей нѣмецкаго вліянія и горой стояла за сепаратный миръ съ Германіей.

Въ этой компаніи пьяный и грязный Распутинъ чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ. Онъ былъ настоящимъ владыкой, и всѣ его пьяныя прихоти и похоти безпрекословно исполнялись блестящими генералами, ихъ покорными женами и фрейлинами, во главѣ съ Вырубовой.

А Николай Романовъ молча и снисходительно смотрѣлъ на развратъ и распутство своего Двора. Многіе, въ томъ числѣ и великій князь Николай Михайловичъ, удивлялись, какъ въ Николаѣ II не оскорблялось хотя бы чувство мужа. Но отвѣтомъ на это могутъ служить слова Вырубовой, сказанныя ей одной изъ своихъ ближайшихъ пріятельницъ:

— Государь,—сказала она,—самый настоящій мазохистъ. Онъ открыто поощряетъ распутство Александры Өеодоровны, ему, видимо, доставляетъ это величайшее наслажденіе.

Въ то время, когда вся Европа была охвачена пожаромъ, когда милліоны людей, съ оружіемъ въ рукахъ, встали на защиту права и цивилизаціи, когда внутри страны народъ изнемогалъ отъ непомѣрной тяжести этой великой борьбы народовъ и общей государственной разрухи, Дворъ занимался чудесами и пророчествами Распутина.

Умный и хитрый мужикъ понялъ, что для укрѣпленія вѣры въ него, необходимы чудеса. И чудеса появились. Правда, все это было чрезвычайно наивно и

для умныхъ людей понятно до очевидности, но на истеричный Дворъ чудеса эти производили неизгладимое впечатлѣніе и создали вокругъ «старца» ореолъ святости.

Едва ли не самой нахальной мистификаціей въ этомъ родѣ было «чудо» съ люстрой.

Въ одной изъ залъ царскосельскаго дворца висѣла прекрасная бронзовая люстра, подаренная Екатеринѣ II однимъ изъ западно-европейскихъ властителей.

Алексѣй любилъ играть въ этой залѣ. Однажды Распутинъ сказалъ Алисѣ:

— Завтра сына въ эту комнату не впускай. Какъ бы грѣха не случилось...

Больше онъ не далъ никакихъ объясненій, но, разумѣется, совѣтъ его исполнили въ точности. Залу заперли, и вдругъ на другой день въ ней раздался грохотъ, похожій на взрывъ адской машины.

Когда отперли двери и осторожно заглянули въ залъ, то увидали, что бронзовая люстра валялась на полу. Металлъ погнулся, хрусталь былъ разбитъ въ дребезги.

Къ Распутину кинулась Алиса.

— Спаситель...

Хитрый мужикъ только поглаживалъ бороду.

— Голосъ мнѣ былъ,—сказалъ онъ,—слава Богу, уберегли наслѣдника.

Когда вынесли остовъ люстры, одинъ изъ свиты, показывая на обрывокъ цѣпи, воскликнулъ:

— Вотъ такъ чудо!

На мѣстѣ разрыва цѣпь была совершенно гладкая и блестящая,—видимо, по ней прошелся чей-то осторожный подпилокъ.

Но «старецъ» не растерялся.

— Злоумышленники не дремлютъ,—сказалъ онъ,—голосъ мнѣ былъ.

Его выслушали съ благоговѣніемъ, только одна Ксенія не выдержала и сказала, уходя:

— Какъ эти фокусы надоѣли...

Всѣ же остальные были потрясены совершившим-

ся «чудомъ». Былъ вызванъ Питиримъ для служенія благодарственнаго молебна.

Не довольствуясь «чудесами», Распутинъ прибѣгалъ къ пророчествамъ.

Вѣроятно Николай Романовъ и его супруга теперь часто вспоминаютъ объ одномъ изъ предсказаній старца, которое онъ повторялъ настойчиво и многократно. Объ этомъ пророчествѣ было извѣстно въ обществѣ еще задолго до революціи.

— Всѣ вы цѣлы,—говорилъ онъ,—покуда я цѣлъ.

Самъ Николай Романовъ, Алиса и весь Дворъ безусловно вѣрили въ это пророчество и оберегали Распутина какъ зѣницу ока, боясь его гибели. Вотъ почему, когда онъ былъ убитъ, во дворцѣ началась настоящая паника и репрессіи посыпались даже на членовъ царской семьи.

Обезумѣвшая отъ горя и отчаянія Алиса была страшна въ своемъ гнѣвѣ. Она требовала жестокой мести и расправы съ убійцами, и открыто заявляла, что кромѣ Дмитрія Павловича въ убійствѣ принимали участіе и другіе представители императорской фамиліи. Называла юныхъ сыновей Александра Михайловича и Ксеніи Александровны, т. е. родныхъ племянниковъ бывшаго царя, а также молодыхъ Константиновичей. Дѣтей Александра Михайловича называла въ числѣ убійцъ только потому, что князь Юсуповъ, въ домѣ, котораго произошло убійство, женатъ на ихъ сестрѣ.

Всѣ великіе князья, въ томъ числѣ и Дмитрій Павловичъ, въ офиціальномъ разговорѣ и на допросѣ категорически заявили, что никакого понятія объ убійствѣ Распутина не имѣютъ. Въ кругу домашнихъ Дмитрій Павловичъ говорилъ, что на его рукахъ крови нѣтъ и что убійство было совершено помимо него, хотя своего присутствія во дворцѣ князя Юсупова въ ночь расправы съ Распутинымъ не отрицалъ.

Но эти объясненія не подѣйствовали на бывшую царицу. Она потребовала, чтобы Николай покаралъ Дмитрія Павловича. Расправа царя съ нимъ была же-

стокая. Молодого князя сначала подвергли домашнему аресту, затѣмъ онъ былъ арестованъ и отправленъ на персидскій фронтъ, въ сопровожденіи графа Кутайсова, которому были даны спеціальныя инструкціи бдительно слѣдить за арестованнымъ. Князю строжайше было воспрещено переписываться и сноситься даже по телеграфу съ кѣмъ бы то ни было изъ родныхъ и друзей.

Такая расправа съ молодымъ княземъ, котораго всѣ члены царской фамиліи очень любили и который, какъ немногіе, былъ близокъ къ дому бывшаго царя, произвело удручающее впечатлѣніе на великихъ князей.

Ни для кого не было секретомъ, что еще за нѣсколько дней передъ этимъ, одна изъ дочерей Николая Романова мечтала о выходѣ замужъ за Дмитрія Павловича.

Дмитрій Павловичъ самъ отказался отъ этого брака, и, несмотря на ударъ царскому самолюбію, его продолжали принимать и очень любили въ домѣ бывшаго царя.

Такимъ образомъ, жестокая расправа съ молодымъ княземъ была истолкована членами императорской фамиліи, какъ подчиненіе безвольнаго Николая обезумѣвшей отъ потери Распутина Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Удалившіеся и ранѣе отъ Двора благодаря владычеству Распутина многіе великіе князья, послѣ расправы съ Дмитріемъ Павловичемъ, окончательно отшатнулись отъ бывшей царицы. Ненависть къ ней стала боевымъ лозунгомъ у членовъ императорской фамиліи

Во дворцѣ одного изъ великихъ князей состоялось засѣданіе, и Николаю Романову было отправлено слѣдующее письмо:

«Ваше Величество. Мы всѣ, чьи подписи вы прочтете въ концѣ этого письма, горячо и усиленно просимъ васъ смягчить ваше суровое рѣшеніе относительно судьбы Дмитрія Павловича.

Мы знаемъ, что онъ боленъ физически и глубоко потрясенъ и угнетенъ нравственно. Вы, бывши его опекуномъ и верховнымъ попечителемъ, знаете, какою глубокою любовью было всегда полно его сердце къ вамъ и къ нашей роднѣ.

Мы умоляемъ Ваше Величество, въ виду молодости и дѣйствительной слабости здоровья великаго князя, разрѣшить ему пребываніе или въ «Усовѣ» (имѣніе Дмитрія Павловича) или въ «Виленскомъ».

Вашему Величеству должно быть извѣстно, въ какихъ тяжкихъ условіяхъ находятся наши войска въ Персіи въ виду отсутствія жилищъ, эпидемій и т. д. Пребываніе тамъ для великаго князя будетъ равносильно его полной гибели и сердце Вашего Величества проникнется жалостью къ юношѣ, котораго вы любили, который съ дѣтства имѣлъ счастье быть часто и много возлѣ васъ и для котораго вы всегда были добрымъ отцомъ.

Да внушитъ Господь Богъ Вашему Величеству перемѣнить ваше рѣшеніе и переложить гнѣвъ на милость.

Вашему Величеству горячо преданные и сердечно любящіе: королева эллиновъ Ольга Константиновна, Марія Павловна старшая, Кириллъ Владиміровичъ, его супруга Викторія Өеодоровна, Борисъ и Андрей Владиміровичи, Павелъ Александровичъ (отецъ Дмитрія Павловича), Марія Павловна младшая, Елизавета Маврикіевна (вдова Константина Константиновича), Іоаннъ Константиновичъ, жена его Елена, Гавріилъ Константиновичъ, Георгій Константиновичъ, Николай Михайловичъ, Сергѣй Михайловичъ.

Не получая отвѣта отъ бывшаго царя, великіе князья, среди которыхъ были старѣйшіе представители императорской фамиліи, рѣшили, что дѣло принимаетъ благопріятный оборотъ. Но между тѣмъ разнеслись слухи, оказавшіеся вѣрными, что Алиса Гессенская мечетъ громы и молніи и требуетъ надъ Дмитріемъ Павловичемъ и княземъ Юсуповымъ военно-полевого суда. Вскорѣ великій князь Павелъ Александ-

ровичъ получилъ обратно приведенное выше письмо со слѣдующей надписью бывшаго царя:

«Никому не дано права заниматься убійствами. Знаю, что совѣсть многимъ не даетъ покоя, такъ какъ не одинъ Дмитрій Павловичъ въ этомъ замѣшанъ. Удивляюсь вашему обращенію ко мнѣ. Николай».

Павелъ Александровичъ передалъ это письмо своей невѣсткѣ, вдовѣ Владиміра Александровича. У Маріи Павловны оригиналъ этого письма хранится и до сихъ поръ.

Письмо и надпись Николая Романова на немъ сфотографированы и хранятся у всѣхъ подписавшихъ его.

Отвѣтъ бывшаго царя произвелъ на великихъ князей ошеломляющее впечатлѣніе.

— Мало того,—говорили нѣкоторые изъ нихъ,—что онъ игнорируетъ просьбы и желанія всей семьи, онъ позволяетъ себѣ бросать подозрѣніе всѣмъ намъ, говоря, что совѣсть многимъ не даетъ покоя.

Отношенія между бывшимъ царемъ и его близкими родственниками были навсегда испорчены. Великіе князья перестали бывать при Дворѣ, гдѣ въ это время организовывались «темныя силы», чтобы расправиться со всѣмъ русскимъ народомъ, ненавидѣвшимъ Распутина и открыто радовавшимся его смерти.

Алиса и ея вѣрная клика и самъ Николай Романовъ бросали ожесточенные вызовы русскому народу въ лицѣ Государственной Думы, общественныхъ организацій, объединеннаго дворянства, Государственнаго Совѣта и тѣхъ немногихъ сановниковъ, которые не побоялись сказать бывшему царю смѣлое слово правды.

Придворная шайка готовила адскій планъ для нанесенія жестокаго удара русской государственности. Хотѣли открыть минскій фронтъ для пропуска германскихъ полчищъ, а Протопоповъ въ это время мобилизовалъ полицію и жандармовъ, вооружая ихъ пулеметами и формируя новые кадры.

Эта позорная банда была убѣждена, что она окончательно раздавитъ всѣ стремленія и чаянія русскаго

народа и общества, пригнетъ его къ землѣ и обратитъ въ покорныхъ и безсловесныхъ рабовъ.

Но русскій многотерпѣливый народъ понялъ тайные замыслы придворныхъ палачей, онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ, объятый справедливымъ гнѣвомъ. Этотъ гнѣвъ какъ громъ прокатился по всей странѣ и въ своемъ безудержномъ порывѣ смелъ не только позорныхъ приспѣшниковъ расшатаннаго трона, опрокинулъ и этотъ тронъ и уничтожилъ династію Романовыхъ.
